Радек

О ЛЕНИНЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 161
О-111

К. РАДЕК

О ЛЕНИНЕ

КРАСНАЯ НОВЬ

1924

К. Радек

EH 161
0-111

О ЛЕНИНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ МОСКВА—1924

1 1 RS.

К.

ЕН 161
О-111

БИБЛИОТЕКА
Института В. И. Ленина

№ (64692
1826)

5767 с1

ср
9405

1058925

Главлит № 17754. Тираж 10.000.

Типография Издательства „Красная Новь“ Милютинский, 22

Библиотека Института В. И. Ленина

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я долго колебался, издать ли брошюркой статьи, которые я писал к пятидесятилетию Ленина к двадцатипятилетию партии и, увы, к смерти Владимира Ильича. Но масса партийных товарищей требует работы об Ильиче, некоторые просят об этом и меня. Я считаю невозможным в короткое время написать работу, которая могла бы претендовать на значение исторического труда о Ленине. За такой труд, необходимый для русского, необходимый для международного пролетариата, я берусь. Но он потребует одного, двух лет напряженной работы. Надо не только дать оценку роли Ленина на фоне развития России, но и на фоне истории международного рабочего движения, начиная с борьбы „меньшевиков“ и „большевиков“ в английской революции 17-го века. Только на этом мировом фоне ясна будет роль Ленина в истории социализма, роль во много крат большая, чем мы это уже осознали. Только потому я решился на издание моих статей, что читатель найдет в них, думаю, указания на кой-какие моменты в деятельности Ленина, указания на постановку им целого ряда проблем революции, на которые не указывается в статьях других авторов. Если эти указания побудят хотя бы ряд товарищей задуматься над этими вопросами, то этим будет вполне достигнута цель этой книжечки. Ибо изучение Ленина должно дать в первую очередь толчек для самостоятельной работы мысли тысячам коммунистов.

К. Радек.

Революционный вождь.

Западно-европейские рабочие видят в Ленине олицетворение русской революции. А считая ее первым отрядом мирового восстания, они видят в нем вождя мировой революции.

Что представляет собою Ленин? Этого они не знают и не могут знать, ибо понять значение Ленина, это означает продумать историю русской революции и сделать из нее все выводы для тактики пролетариата и мировой революции. Ленин— квинт-эссенция рабочей русской революции. Он, можно сказать, олицетворение ее коллективного ума и ее смысла. Поэтому так важно для западно-европейских рабочих знать Ленина.

На деле **знать Ленина означает понимать задачи коммуниста в мировой революции**. Если взять самую общую формулу существа ленинской политики, то она состоит в гармоническом **соединении** самого **радикального анализа**, критицизма по отношению ко всем непролетарским, некоммунистическим тенденциям,—это противники Ленина называли его доктринерством,—с **великой тактической гибкостью**, с полным умением считаться по революционному с реальной действительностью.

Ленин написал в своей жизни много критик разных теоретических учений, он сотни раз разбирал разные резолюции разных политических течений с тщательностью, с какой занимаются теологи изучением Библии. Но излюбленным словом этого же самого человека является английская пословица: „факты—это упрямые вещи".

Нет ли в этом противоречия? Не только нет, но это соединение глубоко продуманного радикализма с самым настоящим реализмом—это и есть Ленин. Это соединение характерно для Ленина с самого начала его деятельности.

В момент борьбы с народничеством, когда во главе борьбы стоит Петр Струве, Ленин сумел путем анализа позиции Струве разоблачить в тогдашнем главаре легального марксизма будущего идеолога русской буржуазии. Ему недостаточно, что Струве доказывает необходимость капиталистической стадии на пути к пролетарской революции в России. Рассматривая самым тщательным образом формулировку критики народничества, данной Петром Струве, он шаг за шагом выясняет, что Струве враг народничества не потому, что в народничестве недостаток революционного реализма, не потому, что народники не понимают роли пролетариата в будущей русской революции, а потому, что Петр Струве—за капитализм в то время, когда они хотели бы перескочить этап капиталистического развития. Нужен был глубокий радикализм Ленина, чтобы разглядеть в тогдашнем Петре Струве сегодняшнего Петра Струве.

А как же обстояло дело с возникновением меньшевизма? Совместно с Плехановым, Аксельродом, Мартовым издает Ленин „Искру". Об'ели-

нены они все борьбою за марксизм на всех фронтах, об'единены великим подвигом создания общерусской революционной организации. Намечаются вдруг разногласия, казалось бы, по совершенно второстепенному вопросу—по вопросу об организации.

В этих разногласиях дело идет сначала об определении круга лиц, принадлежащих к партии. Казалось бы,—чисто формальный вопрос. Но расхождение в этом вопросе вскрывает ни более, ни менее, как разницу не только во взглядах на характер революции,—разницу в тенденциях, представляемых разными частями революционной интеллигенции, входящей тогда в состав социал-демократической партии. Ленин пытается отстоять независимость партии от мелко-буржуазных тенденций симпатизирующей социализму интеллигенции, которая примыкала к марксизму, ибо марксизм выражал самым радикальным образом ее оппозицию против царизма.

Путем теоретического анализа Ленин находит в зачатках меньшевистской идеологии своих вчерашних ближайших друзей идеологию компромисса с буржуазией, будущую идеологию меньшевизма. Как смеялись многие из заграничных социалистов, когда им рассказывали, что в русской социал-демократии происходит раскол из-за определения параграфа, говорящего о том, кто состоит членом партии!

Кто из европейских социалистов, хотя на момент, мог бы предположить, что этот спор о том, кто может считаться членом партии, будет через пятнадцать лет решаться с оружием в руках, как спор о том, должен ли рабочий класс брать в свои руки власть или должен плестись в хвосте буржуазии?

Мы могли бы таких примеров дальновидности Ленина привести еще десятки, но это требовало бы черезчур длинной экскурсии в историю русской революции. Мы остановимся на том основном, что видно из этих двух приведенных примеров, что имеет громаднейшее значение для западно-европейских коммунистов. **Источником дальновидности Ленина, которую считали доктринерством, является марксизм, который вошел у него в плоть и кровь.** Теперь, когда ход революции приводит к нам не только миллионы впервые проснувшихся рабочих, рабочих безо всякого революционного опыта, безо всякого революционного знания, но также и тысячи революционеров из мелко-буржуазной интеллигенции, пропитанных насквозь тысячью буржуазных предрассудков, претендующих на роль идеологических обновителей затхлого рабочего движения,—это специально важно подчеркнуть.

Марксизм научил Ленина твердо понимать, что идеи не являются случайностью, если они охватывают какие-либо значительные группы. Марксизм научил Ленина искать за теоретическими разногласиями разногласия социальные, разногласия между классами или противоречия в самом рабочем классе, который не представляет собою чего-либо абсолютно однородного, а разные степени перехода от буржуазии к пролетариату.

Подобно тому, как практики старого рабочего движения высмеивали марксистский анализ и, не видя дальше носа, путались в лабиринте социальных явлений, также и молодые коммунистические элементы, не прошедшие школу коммунизма, считают, что достаточно быть вооруженным революционным воодушевлением и обладать

достаточным количеством революционных фраз, чтобы справиться с самыми сложными вопросами. Старые „практики“ ссылались на свой опыт; молодые западно-европейские коммунисты, не будучи в состоянии сослаться на революционный опыт, выдвигают свою революционную волю, свое революционное чутье, как средство познания действительности.

Но ни опыт старых „практиков“, ни революционное чутье не давали возможности ориентироваться на счет смысла расхождения между большевиками и меньшевиками в их начальной стадии, ибо, когда дело идет о будущем, опыт о нем ничего не может сказать, а что касается революционной воли и чутья, то это факторы вполне суб'ективные. Суб'ективно всякий оппортунист может чувствовать очень революционно. Только точный анализ уклона мысли, выяснение его последствий и его источников, т. е. выяснение того, что при данном соотношении социальных сил может скрываться за уклоном политического направления, позволяет ориентироваться в значении нового намечающегося направления, может позволить догадаться, какая социальная группа, какой социальный интерес скрывается за ним.

„Доктринерство“ Ленина было ни чем другим, как методичной рекогносцировкой в области классовой борьбы, посылкой в стан врагов разведчиков. Остро отделяя марксистскую постановку вопроса от всех примесей и придатков, Ленин отмежевывал интересы рабочего класса от интересов всех других классов. То, что противники называли доктринерством,—была громадной важности предварительная работа над формированием отрядов будущей рабочей армии. Но Ленин исполнял не только эту работу,—определяя клас-

совые интересы пролетариата, в противоположность интересам всех других классов, установлял позицию рабочего класса. Он при помощи той же марксистской теории **искал союзников** для рабочего класса, пытался выяснить, не идут ли известные интересы других классов, хотя бы до известного пункта, в том же самом направлении, как и интересы рабочего класса.

Когда Ленин принял участие в борьбе с народничеством, с направлением, которое указывало на крестьянство, как на социальную базу русской революции, он сумел в борьбе против романтики народников не забыть вопроса, не является ли крестьянство, вследствие условий своего быта, будущим союзником гегемона революции, рабочего класса. Выяснение отличия интересов рабочего класса от крестьянских не помешало Ленину в его попытке выяснения роли крестьянства, как попутчика пролетариата в революционном движении. Тут марксистский „доктринер" уже доказал на деле, что марксизм является не помехой, а помощью в реальной революционной политике.

Эта реальная революционная политика знаменовала политическую линию Ленина во всей истории русской революции. Если между задачами вождя рабочего класса в период, когда этот класс находится в оппозиции к капиталистическому обществу, и задачами вождя пролетариата после захвата государственной власти существует глубокая разница, то она не существует в политических методах руководства пролетарской партии в оба эти периода борьбы.

В период борьбы за власть революционный вождь должен направлять все силы рабочего класса для радикального штурма на окопы противника. Он должен пытаться, по возможности,

сдвинуть влево центр тяжести капиталистического общества и государства.

В период после-захвата власти задача его состоит в том, чтобы вести всю передовую массу, всю эту армию, состоящую **не только из авангарда, но и из арьергарда, на бой.** Но в одном и другом случаях он должен считаться с фактами, и вся революционная деятельность Ленина за двадцать лет борьбы, предшествовавшей захвату власти рабочим классом, была для него подготовкой к его теперешней деятельности государственного мужа русского рабочего класса.

Мы часто спрашиваем друг друга, откуда взялся в революционной среде, в революционной нелегальной организации человек, умеющий так великолепно оценивать соотношение сил, схватывать, как далеко можно итти в данный момент, определять, чего можно требовать от рабочего класса, какие задачи можно ставить советскому государству и какие выше его сил. Ведь революционная нелегальная партия самым своим положением толкается к тому, чтобы переоценивать роль революционной воли; ведь она партия — в первую очередь агитационная, т. е. партия, призывающая пролетариат к напряжению сил.

Но кто внимательно проследит революционное прошлое Ленина, тот заметит, как во всякий момент своей революционной деятельности он и в прошлом в зависимости от соотношения сил менял тактику. Сколько раз за это хулили его „оппортунистом“. Достаточно вспомнить, что Ленин, отстаивавший весной 1906 года, когда казалось, что волна революции еще поднимается, бойкот первой Думы, осенью того же года, когда факты доказали ему, что революция идет на убыль, выступил поборником участия рабочих в

выборах в эту царскую конюшню. Считаясь с тем, что пока-что не стоит на очереди массовая схватка, при которой царская говорильня могла бы скрывать фактическое поле сражения, он понимал, что та же самая говорильня в эпоху отлива может послужить трибуной для революционной агитации и средством для революционной организации. Тут проявилась вся гибкость ленинского „оппортунизма", который имел тот же самый источник, что и его „доктринерство". Этим источником был марксизм, который не знает постоянных отношений данного класса к данным формам борьбы, а требует постоянной перемены тактического фронта, стратегического плана, в зависимости от перемены в общественном соотношении сил.

Если что нас удивляет в деятельности Ленина, как руководителя пролетарского государства, — оно удивляет не только нас, но весь буржуазный мир — это его способность к переходу от общей революционной агитации против всего империалистического мира к отступлению перед германским империализмом, от него к попытке сделки с англо-американским империализмом, а когда этот шаг не удался, к самой решительной борьбе с ним, после же ее победоносного конца к новой попытке сделки с империализмом, но уже не на брестской основе. Все это является образцовым применением марксистского метода к оценке положения.

Точно так же, как в области внешней политики, обстоит дело с политикой Ленина в области борьбы на внутреннем фронте. После захвата власти в октябре 1917 года, он самым решительным образом пытается сломать саботаж буржуазной интеллигенции, чтобы ее привлечь как

элемент социалистического строительства. После того, как коммунистическая партия повела за собой все крестьянство в бой против помещиков и капиталистов, взявши власть в руки, она под руководством Ленина пытается внести расслоение между крестьянами, отделить от них бедноту, построить советскую цитадель в деревне. Но когда нажим мирового капитализма в 1917—1919 годах принуждает концентрировать все силы на борьбу с крупной буржуазией, с мировой буржуазией, Ленин провозглашает попытку компромисса со средним крестьянством, ибо ясно, что в данный момент русский деревенский мелкий буржуа менее опасен, чем владыка мировой буржуазии, американских и английских трестов.

Во всех перипетиях классовой борьбы, во всех зигзагах, по которым движется вперед революция пролетариата, Ленин не забывает основной азбуки марксизма, не забывает того факта, что гегемоном революции является пролетариат. **Связь с пролетариатом стоит для Ленина выше всего.** На вопрос, как он борется против сектантского ухода от масс и против оппортунистических устремлений в лагере революционного авангарда — это вопрос, стоющий самого внимательного отношения со стороны европейских коммунистов. Когда после поражения первой революции, массы, пробужденные ею к массовой организации, к массовой деятельности, пытаются сохранить профессиональные союзы, эти союзы находятся под стопой победоносного царизма, многие товарищи видят в них столыпинские участки, но не организации рабочего класса. Но Ленин дает пароль не уходить от профессиональных союзов, а войти в них, раздвигать их рамки, втягивать их в революционную борьбу, которая

надвигается, делать из них орудие революционной борьбы, в противовес оппортунистам, которые стремились использовать их для создания легальной работы партии на почве и в рамках столыпинского режима.

Когда во время февральской революции, советы оказались в большинстве своем соглашательскими, это ни на один момент не сбивает Ленина с толку. Видя в них массовые органы пролетарской революции, он защищает самую интенсивную, упорную борьбу за обладание этими советами. Гениальный стратег и тактик пролетарского движения понимает всеми фибрами своей души, всеми нервами своего мозга и ощущает прямо физически, что никакая стратегия и никакая тактика не помогут, если коммунизм не будет иметь обеспеченной базы, т.-е. не будет иметь за собой пролетарской массы и не будет иметь в своих руках линий постоянной связи, т.-е. рабочих организаций.

Ленин, как вождь пролетарской революции— это олицетворение марксизма в действии. **Изучение революционной деятельности Ленина представляет поэтому одну из самых насущных практических потребностей Коммунистического Интернационала.** В неслыханно-тяжелых, сложных условиях приходится работать коммунистам Западной Европы и Америки. Практика русской рабочей революции осветила и им общий путь к победе, указав им в диктатуре пролетариата рычаг освобождения. Путь, ведущий к диктатуре пролетариата на Западе, рабочие должны прокладывать себе среди другой группировки социальных сил, чем в России. Это требует от них **самостоятельной ориентации, требует от них отказа от применения русского шаблона, требует гибкости ума, самостоятельности**

решений. Ничто не может лучше помочь им в этой сложной задаче, как близкое знакомство с практическим развитием русского большевизма и его вождя Ленина. Лучше, чем от кого бы то ни было, могут западно-европейские коммунисты научиться от Ленина соединению самой смелой, самой революционной политики с реалистическим учетом сил.

10 апреля 1920 г.

В. И. ЛЕНИН.

(К 25-летию партии).

Как все в природе, Ленин, наверно, родился, развивался, рос.

Когда Владимир Ильич однажды увидел, что я пересматриваю только что появившийся сборник его статей 1903 года, его лицо осветилось хитрой улыбкой и он, хихикая, сказал: „Очень интересно читать, какие мы были дураки". Но я не собираюсь здесь сравнивать форму черепа Ленина, когда ему было 10, 20, 30 лет, с тем черепом, который блестит на заседаниях Центрального Комитета партии или Совнаркома. Не о развитии Ленина — вождя идет здесь речь, а о Ленине, каков он теперь. Павел Борисович Аксельрод, родоначальник меньшевизма, который ненавидит Ленина всей душой,—на нем очень легко изучать, как любовь переходит в ненависть,—в одной из бешеных филиппик, которыми он пытался убедить меня в зловредности большевизма вообще, а Ленина в частности, рассказывал, как Ленин попал первый раз за границу, и как они тогда ходили совместно гулять, купаться. „Я тогда почувствовал, говорит Аксельрод, что имею

дело с человеком, который будет вождем русской революции. Он не только был образованный марксист,—таких было очень много,—но он знал, что он хочет делать и как это надо сделать. **От него пахло русской землей".** Павел Борисович Аксельрод очень плохой политик и от него не пахнет землей. Он — кабинетный резонер, вся жизненная трагедия которого состояла в том, что в то время, когда не было рабочего движения в России, он выдумал схемы, как оно должно развиваться, а когда оно развивалось иначе, то он ужасно обиделся, и до сегодняшнего дня разозленный кричит на непослушного ребенка. Но человек часто очень хорошо замечает в другом то, чего ему самому недостает, и Аксельрод в своих словах о Ленине неслыханно метко схватил все его качества, как вождя.

* * *

Вождь рабочего класса невозможен без того, чтобы он не охватывал всю историю своего класса. Историю рабочего движения надо знать вождю рабочего класса; без этого знания нет вождя так же, как нет ни одного современного великого полководца, побеждающего с наименьшей затратой сил, который не знал бы истории стратегии. История стратегии—это не собрание рецептов о том, как выигрывать войну, потому что описанное положение ни разу больше не повторяется. Но детальное изучение истории стратегии упражняет ум полководца, делает его военно-эластичным, позволяет ему видеть опасности и возможности, которых не видит полководец-эмпирик. История рабочего движения не говорит нам, что надо сделать, но она позволяет,

сравнивая наше положение с положением в различные решающие моменты, уже пережитые нашим классом, видеть задачи и замечать опасности. Но нельзя знать истории рабочего движения без детального знакомства с историей капитализма, с его механикой во всех проявлениях, как экономическом, так и политическом, т.-е. без знакомства с теорией капитализма. Ленин знает теорию капитализма, как не многие из учеников Маркса. Это не есть знакомство с текстами, тут, быть может, тов. Рязанов даст ему пять очков вперед. **Ленин продумал теорию Маркса, как никто.** Возьмите его маленькую брошюрку по поводу наших споров о профессиональном движении, в которой он громит Николая Ивановича Бухарина, как повинного в синдикализме, эклектизме и других страшных грехах (когда Владимир Ильич кого-нибудь громит, то он находит в нем все болезни, которые числятся в известной старой медицинской книге, находящейся у него в большом почёте). В этой полемической брошюрке есть маленькая страничка, посвященная разбору разницы между диалектикой и эклектикой, страничка, которую не цитируют ни в каких сборниках статей об историческом материализме, но которая о нем больше говорит, чем целые главы других толстых трудов. Ленин самостоятельно воспринял и продумал теорию марксизма, как никто другой, по той причине, что он изучал ее с той самой целью, с какой ее Маркс создавал. Когда-то старик Меринг написал рецензию об одной книге о Фейербахе,—написанной русским, фамилии которого я не помню. В этой рецензии он спрашивал, почему такой книги не в состоянии написать немец? И Меринг ответил на этот вопрос: немцы не ставят себе задачей преобразо-

вание всего общественного и политического строя в Германии, и поэтому они потеряли чутье и понимание философских систем, являющихся отражением стремления к таковому преобразованию. В России же стоит на очереди общий переворот. **Ленин вошел в движение, как персонификация воли к революции, и он изучал марксизм, изучал развитие капитализма и развитие социализма под углом зрения его революционного значения.** Плеханов был революционером, но Плеханов не был человеком воли и при громадном его значении, как учителя русской революции, он был в состоянии учить ее только алгебре, а не арифметике революции. Как показала история, он сам запутался в четырех арифметических действиях русской революции и поэтому его алгебра революции была больше преподаванием готовых учений, чем самостоятельной борьбой мысли. В этом пункте лежит переход от Ленина-теоретика к Ленину-политику.

Марксизм связал Ленина с общей стратегией рабочего класса, но вместе с тем он подвел его самым конкретным образом **к той стратегической задаче, которая выпала на долю русского рабочего класса.** Можно сказать, что в академии генерального штаба он изучал не только Клаузевицов, Жомини и Мольтке, но он изучил, как никто в России, и театр будущей войны русского пролетариата. **В этой небывало интенсивной интимной связи с полем своей деятельности—весь гений Ленина.** Мне придется в другом месте разбирать вопрос, почему такой великий ум, как Роза Люксембург, не была в состоянии понять правоты Ленина при возникновении большевизма. Тут я могу только предвосхитить результаты этого исследования. Роза Люксембург не понимала конкретно, чем отличается экономическая и полити-

ческая обстановка борьбы русского пролетариата от обстановки борьбы польского и западно-европейского пролетариата. Поэтому она в 1904 г. сочувствовала меньшевизму в организационных вопросах. Меньшевизм был в исторической перспективе политикой мелкобуржуазной интеллигенции и наиболее мелко-буржуазных слоев пролетариата. Методологически меньшевизм был попыткой перенесения тактики западно-европейского рабочего движения в Россию. Когда читаешь статьи Аксельрода или Мартова о самостоятельности развития рабочего класса, о том, как он должен учиться ходить на собственных ногах, то все эти идеи очень подкупают всякого, кто вырос на западно-европейском рабочем движении. И я помню, как, знакомясь с полемикой русских социал-демократов во время первой революции и не зная конкретной русской действительности, я не мог понять, как это можно отрицать эти азбучные истины. Но в этом великолепном плане недоставало только условий для применения этой тактики, и теперь исторически доказано, что все разговоры меньшевиков о самостоятельности рабочего движения были на деле разговорами о том, как русское рабочее движение должно подчиниться буржуазии. Крайне интересно читать теперь споры о пресловутом первом параграфе устава партии, на котором произошел раскол социал-демократии на меньшевиков и большевиков. Каким сектантским казалось тогда требование Ленина, чтобы членами партии числились только члены нелегальной организации! А о чем же шло дело? Ленин боролся против того, чтобы политику рабочей партии определял интеллигентский кисель. Перед первой революцией всякий недовольный врач и адвокат почитывал Маркса и считал себя социал-

демократом, будучи на деле либералом. Даже входя в нелегальную организацию, даже порвав с мещанской обстановкой, многие интеллигенты оставались, как после это доказала история, в глубине души либералами. Но сужение рамок партии до круга людей, которые шли на риск участия в нелегальной организации, все же уменьшало опасность буржуазного засилия в рабочей партии, давало возможность революционной струе рабочего класса пробиться через сито партийной организации, которая и так в значительной мере оставалась интеллигентской. Но, чтобы это понять, чтобы из-за этого расколоть партию, для этого надо было быть так связанным с русской действительностью, как был связан с нею всем своим нутром Ленин, как русский марксист, как русский революционер. Если это было неясно многим хорошим марксистам в 1903—04 году, то это стало уже вполне ясным с того момента, когда П. Б. Аксельрод начал подменять классовую борьбу пролетариата против русской буржуазии пресловутой земской кампанией, т.-е хождением рабочих на либеральные банкеты с двойной целью: увидать буржуа и проникнуться ненавистью к классу капиталистов, которых рабочие вне банкета, как известно, не видели, а затем, чтобы воспитывать капиталистов в понимании необходимости борьбы за общенациональные интересы.

Но и в том, как Ленин знает русскую действительность, он отличается от всех других, которые протягивали руку к жезлу властителя дум русского пролетариата. Он русскую действительность не только знает, он ее видит и чувствует. На всех поворотных пунктах истории партии, особенно в момент, когда мы стали у власти и

от решений партии зависели судьбы 150 миллионов людей, меня в Ленине поражало то, что англичане называют „Коммон сенс“, т.-е здравый смысл. „Вот, скажут люди, комплимент для человека, о котором мы убеждены, что такие являются один раз в сто лет,—признал за ним здравый смысл!“ Но в этом—его величие, как политика. Когда Ленин решает большой вопрос, он не мыслит абстрактными историческими категориями, он не думает о земельной ренте, о прибавочной стоимости, об абсолютизме, о либерализме. Он думает о Собакевиче, о Гессене, о Сидоре из Тверской губернии и о рабочем с Путиловки, о городовом на улице и думает о том, как данная мера повлияет на мужика Сидора и на рабочего Онуфрия, как носителей революции.

Я не забуду никогда своего разговора с Ильичем перед заключением Брестского мира. Все аргументы, которые мы выдвигали против заключения Брестского мира, отскакивали от него, как горох от стены. Он выдвигал простейший аргумент: войну не в состоянии вести партия хороших революционеров, которые, взяв за горло собственную буржуазию, не способны идти на сделку с германской. Войну должен вести мужик. „Разве вы не видите, что мужик голосовал против войны?“, спросил меня Ленин. „Позвольте, как это голосовал?“ „Ногами голосовал, бежит с фронта“. И этим дело для него было решено. Что мы не уживемся с германским империализмом, Ленин не только знал, как все другие, но он, защищая Брестскую передышку, не скрывал ни на один момент перед массами, какие бедствия она нам сулит. Но хуже немедленного разгрома русской революции она не была, она давала тень надежды, передышки, хотя бы на несколько месяцев, и это

решало. Надо было, чтобы мужик дотронулся руками до данной ему революцией земли, надо было, чтобы встала перед ним опасность потери этой земли, и тогда он будет ее защищать.

Возьмем другой пример. Это было в момент нашего поражения в польской войне, когда начинались переговоры в Риге. Я уезжал тогда за границу и зашел к Ильичу поговорить о только что намечающихся разногласиях по вопросу об отношении к профсоюзам. Подобно тому, как при решении Брестского мира Ленин видел перед глазами своей души мужичка из Рязанской губернии и,—зная, что он решающая персона в военной драме,—равнялся по нему, так—в момент перехода от гражданской войны к хозяйственному восстановлению России—он равнялся по рядовому рабочему, без которого нельзя восстановить хозяйства. К чему сводился для него вопрос? На партийных собраниях говорили о роли профсоюзов в хозяйстве, о сращивании профессиональных организаций с хозяйственными организациями, договорились до споров о синдикализме и эклектике, а Ленин видел обтрепанного рабочего, который вынес неслыханное и невиданное, и который теперь должен восстановлять хозяйство. Что хозяйство надо немедленно восстановлять, что надо подтянуться, что мы для этого имеем право подтянуть рабочую массу,—это для него было бесспорно; но можем ли ее немедленно подтянуть, послав на фабрики тысячу самых лучших наших военных товарищей, привыкших командовать? От этого крика в производстве ничего не произойдет. Надо им дать передышку, они неслыханно устали. Вот это был решающий аргумент для Ленина. Он видел своими глазами действительного русского рабочего, ка-

ким он был зимой в 21 году, и он чувствовал всем своим существом, что возможно и что невозможно...

Во вступлении к „Критике политической экономии" Маркс говорит, что история ставит перед собой только разрешимые задачи. Это означает иными словами, что орудием истории является тот, кто понимает, какие задачи в данный момент исторически разрешимы, и не борется за желательное, а борется за возможное. Величие Ленина состоит в том, что никакая вчера созданная формула не мешает ему видеть изменяющуюся действительность, и что он имеет мужество отбросить всякую, вчера им созданную формулу, если она сегодня мешает ему охватить эту действительность. Перед взятием власти мы, как революционные интернационалисты, выдвигали лозунг мира народов против мира правительств. И вдруг мы оказались рабочим правительством, а многоуважаемые народы не успели еще скинуть капиталистических правительств. „Как же мы будем заключать мир с правительством Гогенцоллернов?"—спрашивали многие товарищи. Ленин отвечал нам злобно: „Вы хуже курицы. Курица не решается перешагнуть через круг, начерченный вокруг нее мелом, но она хотя может для своего оправдания сказать, что этот круг начертала вокруг нее чужая рука. Но вы то начертали вокруг себя собственной рукой формулу и теперь смотрите на нее, а не на действительность. Наша формула мира народов должна была поднимать массы на борьбу с капиталистическими правительствами. Теперь вы хотите, чтобы мы погибли и чтобы победили капиталистические правительства во имя нашей революционной формулы".

Величие Ленина в том, что он ставит себе цели, вырастающие из действительности. В этой действительности он намечает сильную лошадь, идущую по пути к его цели, и ей доверяется. Он никогда не садится на качель своих мечтаний. Но мало того. Его гений определяется еще одним элементом: наметив себе цель, он ищет в действительности средств, соответствующих этой цели, он не довольствуется тем, что установил цель, он продумывает с полной конкретностью, что нужно для того, чтобы эта цель была достигнута. Он разрабатывает не только план кампании, но и организацию этой кампании. Наши только организаторы часто смеялись над Ильичем, что он не организатор. Если посмотреть, как Ильич работает у себя в кабинете, в Совнаркоме, то кажется, что невозможно быть более плохим организатором. Он не только не имеет штаба секретарей, подготовляющих ему материал, но он до сегодняшнего дня не научился диктовать стенографистке и даже на самопишущее перо посматривает почти так, как мужик с Дона на встреченный им впервые автомобиль. Но укажите в партии хотя бы одного человека, который сумел бы выдвинуть эту центральную идею о реформе нашего бюрократического аппарата в продолжение десятка лет, реформы необходимой, если мы не хотим, чтобы обиженный чиновниками мужик взвыл. Все мы знаем бюрократический аппарат, все мы воем, дебоширим по поводу „маленьких недостатков советского механизма“. Но кто из руководителей партии сказал себе: новая экономическая политика подвела новый базис под союз пролетариата с крестьянством, как не позволить, чтобы бюрократия разрушила этот союз? А великий политик русского

пролетариата на одре болезни, оторванный ею от мелочей действительности все думал о центральном вопросе нашей государственной организации и наметил план борьбы на десятилетие. Это еще только первый набросок, детали будут меняться при проверке на опыте. Но чем более вдумываться в этот беглый набросок, тем более становится ясно, что он снова попал не в бровь, а в глаз, что он снова доказал, как в нем соединяется великий политик с великим политическим организатором.

Как все это в нем соединилось — бог знает (пусть меня извинит тов. Степанов и комиссия по борьбе с религиозностью). История имеет свои самогонные аппараты, которых не откроет никакая чека. Германская буржуазия не сумела об'единить Германии, и где-то на маленькой помещичьей усадьбе в самогонном аппарате истории был создан богом ли, чортом ли, т. е. молекулярной работой истории, Бисмарк, который эту задачу исполнил. Когда читаешь первые его доклады, когда следишь шаг за шагом за развитием его политики, разводишь руками и спрашиваешь себя, откуда этот громадный охват всеевропейской действительности у прусского помещика? Та же мысль приходит всегда в голову, когда думаешь об истории нашей партии, об истории революции и об Ильиче. В продолжение 15 лет казалось, что человек борется за всякую запятую в резолюции, борется со всякими „измами", которые выдумывались на протяжении 25 лет, начиная от хвостизма, кончая эмпириокритицизом. Всякий такой „изм" был для Ленина отражением какого-то действительного врага, существующего в чужих классах или в рабочем классе, существующего в действительности. Эти

„измы“ были шупальцами действительности, и он через всю эту абракадабру втягивал в себя эту действительность, изучал и продумывал ее, пока совершилось чудо, что подпольный человек оказался самым почвенным человеком русской действительности. История не знает ни одного примера такого перехода от подпольного революционера к государственному человеку. **Это соединение качеств руководящего теоретика, политика и организатора сделало Ленина вождем русской революции.** Но для того, чтобы этот вождь был единым, общепризнанным вождем, нужно было еще что-то человеческое, за что Ленин — **любимый** человек русской революции.

Ибсен пытается убедить нас, что человеку абсолютно нужна правда; в ибсеновской индивидуальной формулировке эта „правда“ очень далека от правды. Для многих людей правда убийственна, она убийственна даже для многих классов. Если бы буржуазия поняла правду о себе и усвоила бы ее нутром, то она уже сегодня была бы разбита, ибо как бороться, когда правда истории тебе говорит, что ты не только приговорен к смерти, но что и самое тело твое бросят в клоаку. Буржуазия спасается глухотой и слепотой от своей участи. Но революционный класс нуждается в правде, ибо правда есть знание действительности, и нельзя победить эту действительность, не зная ее. Частью этой действительности являемся мы, рабочий класс, коммунистическая партия. И только, зная свои силы, свои слабости, мы в состоянии принимать меры, необходимые для окончательной победы. Ленин говорит пролетариату правду, и только правду, как бы печальна она ни была. Когда его слушают рабочие, они знают, что в его речи нет ни одной

фразы. Он помогает нам ориентироваться в действительности. Я жил в Давосе с помирающим от чахотки старым большевиком-рабочим. Тогда шла дискуссия о самоопределении национальностей, в которой мы, польские коммунисты, боролись со взглядами Ленина. Товарищ, о котором идет речь, читая мои тезисы против Ленина, говорил мне: „То, что вы пишете, меня вполне убеждает, но сколько раз я был против Ильича, и всегда оказывался неправым". Так думают руководящие работники партии, и это создает авторитет Ленина в партии, но не так думают рабочие. Их более связывает с Лениным не то, что он тысячу раз оказывался прав, а то, что когда он оказывался не прав, когда под его руководством была сделана ошибка, он говорил открыто: мы сделали ошибку, за это нас побили, вот как ее надо исправить. Многие спрашивали: к чему об ошибках, зачем ему это нужно? Не знаю, почему это делал Ленин, но последствия этого вполне ясны. Рабочий черезчур вырос, чтобы верить в героев-спасителей. Когда Ленин говорит об ошибках, не скрывая ничего, он вводит рабочего в свою лабораторию мысли, он дает ему возможность принимать участие в последних решениях, и рабочие видят в нем вождя, который есть их лаборатория, который есть олицетворение борьбы их класса, который—они сами. Великий класс, которому нужна правда о себе, любит всем сердцем вождя, который—правдивый человек, который говорит ему правду о нем же самом. От него рабочий перенесет всякую правду, как бы тяжела она ни была. Человек верит в свои силы только тогда, когда он ничего в себе не замазывает, когда он знает о себе все самые тяжелые возможности и когда он может сказать

себе: а все-таки... Ленин помогает рабочему классу знать о себе все разлагающее, все падения, и, несмотря на это, сказать в последнем итоге: я есмь его величество пролетариат, будущий властитель и творец жизни. И в этом последнее величие Ленина.

В день 25-ти летия партии, которая несет на спине своей не только ответственность за судьбы шестой части земного шара, но которая является главным рычагом победы мирового пролетариата, русские коммунисты и все, что есть революционного в мировом пролетариате, будут имет одну мысль, одно горячее желание, чтобы этот Моисей, который вывел рабов из земли неволи, вошел с нами в землю обетованную.

Март 1922 г.

Жизнь и дело Ленина.

Всем, всем...

В первый раз в истории человечества весть о смерти политического деятеля не только облетит весь мир, но заставит вздрогнуть сердца миллионов людей всех стран и всех наций. Есть страны, в которых плакать будут по нем миллионы, в других только сотни тысяч, в третьих, быть может, только горсточки людей, но не будет ни одной нации, в которой в день 22 января не сказал бы себе труженик: „Умер мой вождь".

Все буржуазные революции имели международное значение не только потому, что всякая из них потрясала основания сложившегося международного соотношения сил, не только потому, что всякая из них будила мысль тем, что в ней было прогрессивного, что в ней было шагом вперед; они имели международное значение и потому, что во всех буржуазных революциях наиболее передовые элементы хотели выйти из рамок своей нации, из рамок стремлений, очерченных границами одной страны. Во время английской революции маленькая группа коммунистов, которая мечтала о новом тысячелетии человеческого счастья, доходила даже до того, что проповедывала войну против капиталистической Голландии и готовилась нести свою коммунистическую веру далеко за пределы канала Ла-Манш. Во время француз-

ской революции борьба против монархии вызвала у многих борцов, с Анахарзисом Клооцом во главе, чувство международности, чувство необходимости международного низвержения монархии и феодализма. Революционные движения буржуазии одних стран вызывали сочувствие у передовых элементов буржуазии других стран. Но это было только сочувствием.

Буржуазные революции происходили в период, когда экономический уровень разных стран настолько был отличен друг от друга, что всякая **буржуазная** революция являлась **национальной** революцией. Она не могла выйти за пределы своей страны. Мало того, именно потому, что революция была буржуазной, она стремилась к доставлению преимуществ одной нации и потому не могла вызывать в других чувства солидарности. Английская революция угрожала господству голландской буржуазии. Французская революция, которая несла на своих штыках освобождение от ига феодализма, одновременно угрожала германскому народу национальным растерзанием и принуждала даже тех, которые становились на ее почву и понимали ее величие, обращаться против нее для борьбы за независимость своей страны. Поклонники французской революции в Германии, Гнайзенау и Шарнхорст, были одновременно организаторами борьбы за освобождение Германии от ига Наполеона.

Русская революция—первая победоносная пролетарская революция—могла быть пролетарской именно потому, что развитие капитализма не только докатилось до гор Урала и до вершин Кавказа, но и до берегов Тихого океана. Капитализм, создавший условия пролетарской революции в отсталой России, сделал русскую рево-

люцию застрельщиком международной революции. И когда разгорелся факел русской революции, то он осветил весь мир и светит всему миру, охватывает пламенем сердца миллионов людей всего мира. И германский рабочий, узнающий о днях, которые потрясли вселенную, из книги и газеты, и китайский кули, узнающий о русской революции в кабаках Сан-Франциско из разговоров с английскими матросами, и мексиканский рабочий, борющийся против своих феодальных господ и против американской плутократии, и индийский крестьянин, к которому весть о русской революции проникла при посредстве враждебных телеграмм Рейтера,—всякий из них думал свою думу о великой русской революции, как о **своей**, как о начале своего освобождения.

Знаменосец русской революции—Ленин сделался знаменосцем мировой революции, сделался символом **новой эпохи в истории человечества**, эпохи освобождения труда, эпохи борьбы рабочего класса за воссоздание мира на новых началах. Смерть **Бебеля** вызвала скорбь в миллионах рабочих Европы, но не могла потрясти пролетариат и крестьянство всего мира, ибо германская с.-д. не была знаменем мировой революции: она организовала только германских рабочих, но даже их не вела на революционный бой. Ленин поднял знамя восстания против мирового капитала. Вот почему смерть его об'единит скорбью всех, кто борется против ига буржуазии.

Смерть Ленина даст громадный толчок пролетарской мысли всех стран. Во всех странах пролетарии учились сражаться по обрывкам мысли Ленина, которые доходили к ним в наших листовках и резолюциях. Проверяя эти мысли на своем опыте и видя в них правду своей жизни,

они были спокойны, они знали, что у руля корабля международной революции стоит Ленин, гений международного пролетариата. И они доверялись его руководству. Теперь его нет. И всех, кто думает в рядах рабочего движения, заботит теперь в первую очередь мысль, как изучить жизнь и дело Ленина, как найти в его книгах оружие для своей борьбы, как научиться самостоятельно владеть этим оружием. Нет ничего более показательного в этом смысле, как слово одного немецкого коммуниста, сказанное после получения известия о смерти Ленина: „Не давайте нам избранных сочинений Ленина, дайте нам на главных европейских языках **все сочинение Ленина**, чтобы мы **собственной работой** могли усвоить его мысль и его метод".

Минует много лет, пока мы сможем поставить этот памятник Ленину хотя бы в главных странах рабочего движения, пока мы трудами о жизни и деле Ленина сможем помочь европейским рабочим охватить все его наследство. Пока-что задача коммунистов состоит в том, чтобы хоть в самых общих чертах дать картину исторической роли Ленина, дать костяк его мысли.

Ленин, как основатель первого пролетарского государства.

Учение Маркса записано в книгах, им созданных. Переписка его—достаточный комментарий к его сочинениям. Ленин оставил десятки томов. Когда будет собрана его переписка, она даст новые десятки томов. Но **главный комментарий к учению Ленина—это дело Ленина**, это труд его, создание коммунистической партии России и

борьба этой партии за власть, это методы, при помощи которых пролетариат ее удержал в самых неслыханных условиях, это методы, которые Ленин завещал русскому пролетариату, не только как средство удержания власти, но и как средство решения задач, во имя которых рабочий класс России брал власть в свои руки.

Маркс принимал участие в революции 48 года в Германии. Но при слабости пролетарских элементов в ней он не мог играть решающей роли. Самая революция 48 года в Германии была историческим выкидышем. Она пришла слишком поздно, чтобы победить, как буржуазная революция, и черезчур рано, чтобы быть возглавленной пролетариатом. За революцией 48 года последовали десятилетия реакции, в которых Маркс мог быть только зрителем, изучающим механику буржуазного мира. На смену этой реакции пришла эпоха национальных войн, в которой пролетариат снова не мог быть руководящей силой, благодаря чему и Маркс не мог играть руководящей роли. Первый Интернационал, основанный и руководимый Марксом, сеял идеи будущего, но не видел еще всходов. После засветил на горизонте метеор Парижской Коммуны. Только гений Маркса мог понять смысл этого краткосрочного явления. Но снова не могло быть и речи о руководящей роли Маркса. После Парижской Коммуны и до самой смерти Маркса воцарилась в Европе реакция. Революционные задачи буржуазии были на Западе разрешены. Пролетарии же несмело и медленно начали заново строить свою армию. Собирались они маленькими группами в разных странах, робкие их движения не могли быть руководимыми с одного места. Весь гений Маркса исчерпался в изучении осно-

вных законов, движущих развитием буржуазного мира и связанного с ним пролетариата. Он не мог проверить себя в огне гражданской войны, как гений-руководитель революции.

Ленин стоит обоими ногами на почве учения Маркса, которое он понял **глубже и самостоятельнее**, чем кто бы то ни было из его учеников. Но Ленин с первого дня своей жизни приготовлялся **к роли практического руководителя коммунистических революций**. Вся его жизнь ушла на разработку задачи, решенной только в 1917 году: **на подготовку великого прорыва фронта международной буржуазии, совершенного в Октябре 1917 года**. Весною этого года минует 30 лет с тех пор, как молодой Ленин в своей работе „Что такое друзья народа" написал:

„Когда передовые представители пролетариата усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих и сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во **главе всех демократических элементов**, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (**рядом с пролетариатом всех стран**) прямой дорогой открытой политической борьбы к **победоносной коммунистической революции**".

Изучение науки Ленина о коммунистической революции требует в первую очередь изучения **пути Ленина**, как **руководителя борьбы русского пролетариата за власть**.

Всех поражала неслыханная уверенность, с которой Ленин выступал, как политик, как руководитель пролетарской партии. Одни приписывают эту уверенность **властному характеру**, который делал его прирожденным вождем. Другие видели источник уверенности Ленина в его непоколебимой вере в социализм. Но властная воля не только об'единяет людей, но и отталкивает их, когда историческая проверка доказывает, что она направляет себя и направляет других по ложному пути. Сила Ленина, как вождя, состояла в том, что его товарищи по партии всегда убеждались, что воля его двигает их по верному историческому пути.

Этот верный путь не мог он находить в вере в социализм. В социализм веровал непоколебимо и вождь английских реформистов **Кейр-Гарди**, который вел английский пролетариат по ошибочному пути; в социализм веровал глубоко и Жан **Жорес** — вождь французского реформизма; в социализм веровал глубоко чистейший человек Второго Интернационала Виктор **Адлер**, приведший австрийский пролетариат к трясинам социал-патриотизма. Но ни один из названных не выдержал исторической проверки, несмотря на всю свою веру. Социализм не является религией, социализм является наукой об условиях победы пролетариата. **Железная уверенность Ленина имела своим источником то, что он, как ни один из учеников Маркса, продумал его науку об обществе**, что наука эта вошла в его кровь, что он применял ее, как ни один из учеников отца научного социализма. Занятый практическим делом создания пролетарской партии в России и ее руководством, Ленин оставил очень мало трудов, посвященных общим основам учения Маркса. Но до-

статочно вдуматься в то, как Ленин в названной своей юношеской работе ставит вопросы исто рического материализма, достаточно сравнить его постановку вопроса с постановкой той же проблемы в работах Плеханова и Каутского этого времени, чтобы видеть, как самостоятельно Ленин разрешает вопросы марксистской теории. Две-три его странички, казалось бы совершенно случайные, посвященные различию между диалектикой и эклектицизмом в его брошюре, изданной во время дискуссии о профсоюзах, показывают, как скромен был Ленин, когда он называл себя учеником Плеханова. Ленин был великим самостоятельным марксистским мыслителем. И это являлось предпосылкой, которая позволила этому сильному, как сталь, человеку сделаться руководящим политиком международного пролетариата.

Ленин, как мыслитель, Ленин, как политик русской революции, вырос в обстановке, которая ставила **вопросы революции, как вопросы практической борьбы**. Это позволило ему сразу перерасти на голову других учеников Маркса.

Лафарг развивался в стране мелко буржуазной, над которой прошли грозы трех революций, но в которой капитализм не создал еще условий новой, пролетарской. Великий талант Лафарга не мог развернуться в гений.

Каутский, который первый после Энгельса и Маркса пытался самостоятельно применять марксизм, мог его использовать только для изучения истории общества. На живом деле, на вопросах германского движения, марксизм служил ему только орудием выяснения пролетариату, как нельзя ни обойти классового врага, ни перескочить через него, что надо медленно накоплять

силы для решительного боя. Этот решительный бой находился так далеко, что когда Каутский робко подошел в своих сочинениях о социальной революции к вопросу о завоевании власти, то очертания этого вопроса были для него самого настолько смутны, что он проглядел одну из самых важных задач пролетарской революции, — откуда добыть победоносному пролетариату хлеб на следующий день после победы.

Плеханов, блестящий толкователь науки Маркса, блестящий защитник ее против всякого рода критиков, жил далеко от источников бури, далеко от России. И весь его громадный интерес к революционной борьбе в России оказался недостаточным, чтобы обратить все силы его мозга на изучение практических задач революционной борбы русского пролетариата. И нет ничего более характерного, как тот факт, что после „наших разногласий" Плеханов не посвятил ни одного своего труда детальному изучению одного из главнейших вопросов русской революции — аграрного.

Ленин, как теоретик, **Ленин**, как политик, **занялся с первых своих шагов именно изучением главного поля действий русского пролетариата и главных сил, которые должны принимать участие в русской революции.** Сравнение постановки аграрного вопроса у Каутского, Кшивицкого, Комнер Мореля, с одной, и у Ленина, — с другой стороны, показывает наглядно не только отличие экономических условий Западной Европы и России, не только особенности аграрного вопроса в России и Западной Европе, но и отличие Ленина, как революционного вождя, от виднейших представителей научного социализма Европы. Ленин

изучает аграрный вопрос не только с точки зрения об'яснения развития судеб капитализма, правильности и неправильности экономической науки Маркса в области земледелия, **но прежде всего с точки зрения борьбы пролетариата за власть, с точки зрения выбора пролетариату союзника в его борьбе.**

Каутский видел этого союзника только в сельских рабочих. Но насколько его отклонение борьбы из-за деревенского бедняка, как оппортунизм, было результатом только хорошего или плохого применения марксизма или тоже результатом пассивности германской социал-демократии, ее практического отказа от борьбы за власть, сужения горизонта германского пролетариата до горизонта цеховых интересов,—показывает лучше всего тот факт, что германская социал-демократия не сумела даже начать борьбу за завоевание того слоя деревни, который Каутский считал союзником пролетариата: сельских рабочих. Ленин открыл в крестьянстве союзника для борьбы пролетариата за власть, и в продолжение десятилетий на всех изгибах русской истории учил создавать союз борющегося пролетариата с крестьянством.

Плеханов, отклонив иллюзии народников насчет самостоятельной революционной роли крестьянства, не сумел сосредоточить внимание русского рабочего класса на вопросе о союзе с крестьянством, как тем классом, без которого пролетариат не в состоянии завоевать власти, и против воли которого он не в состоянии будет ввести социализм. Ленин это сделать сумел, и тут Ленин, великий самостоятельный мыслитель пролетариата, превращается в его политического руководителя. Руководить борьбой класса — это значит, изучив условия его победы, никогда не

забыть об этих условиях: ни в моменты головокружительных побед, ни в моменты потрясающих поражений. Отношение Ленина к крестьянскому вопросу является **новым моментом** в истории всемирного рабочего движения.

Аграрный вопрос не будет играть везде той конкретной роли, которую он играет в русской революции. Во всех передовых капиталистических странах **батраки будут играть** более выдающуюся роль, чем в России, но везде вопрос завоевания того, кто производит хлеб, будет играть решающую роль в пролетарской революции, и на эту роль **завоевания хлеба** указал международному пролетариату своей теорией и практикой в первую очередь Ленин.

Но в отношении Ленина к аграрному вопросу есть еще одна сторона, которая является основным вкладом в будущую борьбу международного пролетариата. В своей борьбе против опортунизма представители революционного марксизма в Западной Европе выплескивали ребенка вместе с водой. Даже тогда, когда они отклоняли взгляды Лассаля на всю буржуазию, как на „одну реакционную массу", они на практике боялись союза пролетариата с непролетарским элементом. Ленин, борясь самым решительным образом против меньшевистской политики союза с либеральной городской буржуазией, как классом, неспособным итти с пролетариатом до низвержения абсолютизма, с беспрерывной энергией ставил вопрос о союзе с крестьянством, с тем мелкобуржуавным классом, интересы которого требовали низвержения царизма. Он таким образом и пролетариат других стран научил смотреть на вопрос об отношении к непролетарским элементам не с точки зрения абстрактного отклонения

союза вообще, а с точки зрения конкретной, с точки зрения оценки интересов данного класса, с точки зрения вопроса, на какой промежуток исторической дороги чужой пролетариату класс или часть класса может итти с ним вместе против врага, которого надо убрать. В своей брошюре о **„Детской болезни Коммунизма"** Ленин выдвинул, как одно из **основных условий в борьбе пролетариата за власть и в борьбе за удержание власти, именно завоевание массового союзника**, каким бы шатким он ни был.

Главной наукой Ленина, как политика, подготовляющего завоевание власти пролетариата, является его наука о **значении пролетарской партии**. Понять споры Ленина с меньшевизмом в 1903 году о роли партии, о круге лиц, входящих в состав пролетарской партии,—это значит понять один из главных рычагов ленинской политики. Ленин учил пролетариат **искусству маневрирования** в классовой борьбе. Эту задачу он ставил перед пролетариатом с первого момента своей исторической работы; но одновременно он учил его, что нет никакой маневренной борьбы пролетариата, прежде чем пролетариат сложился, как **маневрирующий суб'ект**. Если наука его об отношении к крестьянству и к либеральной буржуазии есть наука о маневрировании пролетарской партии, то его организационные взгляды являются наукой о том, как предохранить пролетариат от того, чтобы он сделался безвольным об'ектом маневрирования со стороны врага.

В спорах о первом параграфе устава социал-демократической партии Ленин ставил вопрос не менее важный, чем во всех политических спорах с меньшевизмом. Наоборот, можно сказать, что этот вопрос о первом параграфе устава предре-

шал возможность проведения в жизнь всей политической линии Ленина. Рабочий класс России жил под гнетом царизма, который не позволял ему создать мощную массовую организацию. Рабочий класс выступал стихийно для борьбы с самодержавием в экономических и политических забастовках. Меньшевики мечтали о создании широкой массовой партии пролетариата, но для нее не было места в условиях царизма: все разговоры о широкой демократической организации в этих условиях означали пустое прожектерство и открывали на деле двери в ряды рабочей партии всем, которые высказывали свое сочувствие рабочему движению или поддерживали его материально. Это означало подчинение революционного рабочего движения, еще не сложившегося, еще не окрепшего, влиянию мелкой буржуазии. При условиях царизма, который возмущал против себя широкие круги мелко-буржуазной интеллигенции, при опошлении европейского либерализма, всякий адвокат прикрывался знанием социализма. Кто принимал его в партию на условиях простого признания программы рабочей партии и материальной ее поддержки, тот отдавал распыленное рабочее движение в руки мелкой буржуазии. Ленин, требовавший, чтобы членом партии считался только тот, кто работает в нелегальной организации пролетариата, стремился к тому, чтобы уменьшить опасности подчинения рабочего движения мелко-буржуазной интеллигенции. И даже тот, кто рвал с буржуазным обществом, рисковал принадлежностью к нелегальной организации пролетариата, делался профессиональным революционером, и тот еще не давал гарантий, что он останется верен делу пролетариата, но он, по крайней мере, давал известные гарантии.

Намечая путь пролетариата на основе марксистского анализа и создавая нелегальную организацию профессиональных революционеров, Ленин создавал условия для централизированного революционного руководства пролетарской борьбой. Лучшие люди европейского социализма, даже Роза Люксембург, зорко следившая за борьбой русского пролетариата, видели в организационных взглядах Ленина выражение заговорщической тактики, боялись отрыва большевистской организации от массовой борьбы пролетариата. Эти опасения оказались неправильными. Меньшевики создавали в моменты под'ема широкую организацию, но организацией этой руководила неустойчиво-оппортунистическая интеллигенция. Ленин создал организацию, которая умела руководить борьбой пролетариата в самые трудные моменты, которая умела отстаивать революционные принципы в годы затишья революции и которая являлась широкой массовой организацией в период исторических сдвигов, втягивающих пролетариат в классовую борьбу.

Ленин никогда не держался доктринерско организационных форм: от нелегальной организации перед 1905 годом, охватывающей только тысячи, через массовую организацию, охватывающую в первую и вторую революции десятки тысяч человек, он довел коммунистическую партию до размеров организации, охватывающей сотни тысяч и после Октябрьской революции влияющей на миллионы. Формы менялись, но через эти все меняющиеся формы Ленин проводит одну мысль: чтобы пролетариат мог победить, ему нужна **революционная** организация. Организация эта должна быть **сплоченной** и **централизированной**, ибо враг в десять раз сильнее, чем она.

Создавая массовую партию, способную маневрировать в борьбе с врагом, Ленин с первого шага ставит себе задачу—**подготовку вооруженного восстания для захвата власти.** Он умел в моменты, когда мы были слабы или когда после поражения были отброшены назад, учить партию бороться за каждую пядь земли, за каждую позицию, проделывать самую черную ежедневную работу, накопляющую силы пролетариата, но ни один день своей жизни он не забывал о том, что **вся эта работа имеет одну цель—подготовку завоевания власти пролетариатом.**

Нет ничего более поучительного для современного коммуниста, чем сравнение работы Ленина в **периоды победоносной контр-революции с работой его в периоды величайшего под'ема рабочего движения.** Когда была раздавлена первая революция, он боролся самым решительным образом со всеми, которые, не признавая победы контр-революции, в ожидании нового под'ема революционных сил, отказывались от трудной работы собирания сил, использования для этой цели всех средств; но с той же самой энергией он боролся против тех, которые теряли революционные перспективы, разменивали революционную борьбу пролетариата на борьбу за пятачок. В это время реакции Ленин тщательнейшим образом изучал уроки 1905 года для того, чтобы движение при следующем под'еме могло их использовать. Чего стоит в этом смысле статья его в 1908 г., напечатанная в журнале польских социал-демократов, в которой он **тогда**, на основе уроков московского восстания, поднимает вопрос технической подготовки будущих вооруженных восстаний!

Во время империалистской войны, когда рабочее движение во всем мире было разбито не

только военным аппаратом буржуазии, но и предательством социал-демократии, Ленин, помогая всякому практическому шагу своих единомышленников, занимаясь всякой конкретной заботой о создании нелегальной организации, использованием легальной возможности, одновременно разрабатывает в своем швейцарском одиночестве науку Маркса о государстве, о диктатуре пролетариата и приготовляет таким образом октябрьское восстание 17-го года. Даже такие люди, как Меринг и Роза Люксембург, ни на один момент не сложившие оружия перед торжествующим германским империализмом и торжествующим социал-патриотизмом Интернационала, считали романтизмом факт, что Ленин в первом манифесте Центрального Комитета большевиков, изданном в два первые месяца после начала международной войны, выдвигал лозунг гражданской войны. Они даже не смели в это время выдвинуть лозунга раскола германской социал-демократии.

Ленин в эту черную ночь уже готовил октябрьское восстание пролетариата. Но тот же самый человек, вернувшись в Россию, в первые недели февральской революции развернувший перед лицом изумленных товарищей по партии идею советской власти, одновременно учил партию с неслыханным терпением раз'яснять массам, живущим еще в социал-патриотическом дурмане, положение и двигаться шаг за шагом, по мере нарастания революционного кризиса в массах. Ленин, приехавший в Россию с идеей республики советов, выдвигает лозунг учредительного собрания, как этап к республике советов. Лозунг республики советов был для него тогда путеводной звездой, но он понимал, что за этой звездой массы пойдут только разочаровавшись, разубе-

дившись в идее демократии, в идее учредительного собрания. Он не требовал от них, чтобы они перескочили демократический этап, он хотел совместно с ними этот этап изжить; он ликвидирует этот лозунг только после захвата власти, когда учредилка продемонстрировала массам, что она является помехой на пути к миру, за который они в первую очередь боролись.

Весь марксизм учил пролетариат о том, как бороться за власть. Но именно этот смысл марксизма был утаен перед международным пролетариатом не только благодаря оппортунизму социал-демократии, заменившей диктатуру пролетариата буржуазной демократией, но и благодаря тому, что европейское рабочее движение после 71 г. развивалось на почве буржуазной демократии и в ее рамках. Ленин открыл заново науку Маркса о диктатуре пролетариата не только потому, что он был революционным учеником Маркса, а потому, что русский пролетариат стал на путь борьбы за власть.

Ленин, как руководитель октябрьского восстания, и Ленин, как руководитель советской власти, является высшим выражением всех своих наук подготовительного периода. Революционный политик должен считаться с миллионами, — говорил Ленин. И он в масштабе миллионов, как руководитель Советской России, учит мировой пролетариат с неслыханной наглядностью всему, чему учил узкий круг русских большевиков в предыдущие десятилетия. Символом **серпа и молота** он припоминает всему европейскому пролетариату: **ищи союзника в деревне,** ибо этот союз даст тебе хлеб для революции; **красной звездой** Красной армии он учит его, что **силу врага надо ломать силой пролетариата,** ведущего за собой те

классы общества, которых интересы требуют борьбы с помещичьей и капиталистической реакцией. Стоя в главе громадного государственного аппарата, он беспрерывно показывает и доказывает пролетариям всех стран, что власть можно удержать только опирась на сплоченный **авангард пролетариата, на коммунистическую партию.** Так проверяет Ленин делом свои теоретические науки и делается благодаря этой проверке учителем международного пролетариата, основателем Коммунистического Интернационала.

Ленин, как основатель Коминтерна.

Уже во время первого пребывания в Западной Европе перед ссылкой Ленин с большим интересом начал практически изучать западно-европейское рабочее движение, которое раньше знал только из книг и журнальных статей. Он часто рассказывал о впечатлении, которое вызвали в нем швейцарские и французские рабочие собрания; о том, как противоречило то, что ему пришлось наблюдать, той картине, которую он себе создал об европейском рабочем движении, сидя в России. Но великий реалист ни на один момент не поддался скептицизму, а искал в буднях западно-европейского рабочего движения его революционной сути. Ближе подошел Ленин к рабочим и его вождям в Германии, Швейцарии, Франции и Англии только в 1901 году, когда, вернувшись из ссылки, он вместе с Мартовым, Аксельродом и Плехановым принял участие в издании „Искры". „Искра" была не только боевым органом русской социал-демократии, но и боевым органом международного социализма. Время ее

издания совпало с разгаром борьбы между революционным и ревизионистским направлением международного социализма. Практические вопросы западно-европейского рабочего движения разбираются в это время в „Искре“ прежде всего Плехановым. Ленин обращает главное внимание на теоретическую сторону дела, но одновременно тщательно изучает проявления рабочего движения. Он бывает на рабочих собраниях Мюнхена, внимательно прислушивается не только к речам социалистических ораторов на митингах в Хайтпарке в Лондоне, но и к речам проповедников разных религиозных сект, находящих живой отзвук в рабочей массе Англии.

Что ревизионизм представляет собою отражение интересов рабочей аристократии и рабочей бюрократии—для Ленина было ясным с первого боевого выступления Бернштейна. Теперь Ленин видит это наглядно на типах рабочего движения. На международных конгрессах в Амстердаме и Штуттгардте он наблюдает руководящий штат Второго Интернационала и, вероятно, чувствует себя очень одиноким. Дебаты о колониальной политике, о борьбе с опасностью войны на Штуттгардском конгрессе показывают ему, куда ведет дорога вождей реформизма. Уже в статьях о заседаниях международного бюро после первой революции звучит по отношению к этим всем Ван-Колям, Трульстрам и Брандингам нота глубокой ненависти.

Интернационал еще единый не разбит на части, но Ленин уже знает, что в нем сидят враги рабочего класса; и вся почтенная компания Второго Интернационала, начиная с открытых ревизионистов и кончая Каутским, с которым Ленин познакомился еще в 1901 году в Мюнхене, угадала

в Ленине по крайней мере, чужого себе человека. Теоретик польского марксизма тов. Варский заметил очень тонко в статье об уроках большевистского юбилея, что в то время, когда все левое крыло Второго Интернационала, включая лучших его людей, было именно оппозицией реформизму, во Втором Интернационале только один Ленин был началом Третьего. Достаточно прочесть маленькую рецензию Ленина в „Просвещении", посвященную книге вождя германских профсоюзов Карла Легиена, об его поездке в Америку, чтобы сказать, что так не писал об этой почтенной компании ни один человек, кроме Ленина.

Разногласия между ревизионизмом и радикальным марксизмом, возглавляемым тогда Карлом Каутским, были только разногласиями о толковании доктрины марксизма. На деле, в ежедневной практике, оба направления уживались друг с другом, и на этом покоилось единство Второго Интернационала. Каждые несколько лет собирался конгресс, на котором очень редко доходили до ожесточенных боев. Обыкновенно дело кончалось принятием совместной резолюции. На деле так называемые радикальные марксисты не предлагали даже революционной подготовки масс при помощи яркой и четкой революционной агитации. В 1911 году в Германии намечается раскол в лагере так называемых ортодоксальных марксистов. Раскол на практической почве, на почве действия. Образуется так называемая **лево-радикальная часть** и так называемый центр, с Каутским во главе. Водораздел идет по вопросам борьбы с империализмом и по вопросу о массовых забастовках. В первый момент Ленину казалось, что мы, левые радикалы, неправильно фор-

мулируем отношение к империализму, но безусловно правы в вопросе о всеобщей забастовке. В то время, когда Мартов в органе Каутского выступает со статьей против Розы Люксембург,— Ленин печатает в русском ЦО статью Панекука в защиту позиции левых радикалов и морально поддерживает левую.

Начинается война. Приходит черный день 4-го августа. Заброшенный в Карпатские горы, Ленин получает известие о полном предательстве германской и международной социал-демократии. В первый момент не верит этим известиям и думает, что они, быть-может, представляют собою подлог международной буржуазии, ее военный маневр; но вскоре убеждается в их трагической действительности и, выбравшись из австрийской тюрьмы в Швейцарию, — немедленно занимает свой боевой пост. Я имел возможность переговорить с ним уже под конец 1914 года, когда позиция Ленина уже была выражена в историческом манифесте центрального комитета партии и в нескольких номерах „Социал-Демократа“. Я прекрасно помню глубочайшее потрясение, которое вызвал во мне разговор с Лениным. Я приехал из Германии для того, чтобы наладить сношения с революционными группами в других странах. В Германии мы с первого дня войны безусловно отрицали позицию социал-демократического большинства. Отрицали защиту отечества в империалистической войне. Мы боролись с Каутским и Гаазе, которые не выходили за пределы робкой оппозиции против социал-патриотического руководства партии, и отличались от него только тем, что вздыхали о мире. Мы выдвигали в нашей пропаганде, которую вели и в подцензурной прессе, и в гекто-

графированных листках, песпективу революционной борьбы против войны. Но разговор с Лениным означал для меня, — и через меня для многих немецких товарищей,—крутой поворот влево. Первый вопрос, который Ленин мне поставил, был вопрос **о перспективе раскола германской социал-демократии.** Этот вопрос буквально резал острым ножем по сердцу даже меня и товарищей, стоящих на крайнем фланге партии. Мы тысячу раз говорили о реформизме, как о политике рабочей аристократии, но несмотря на это, питали надежду, что вся германская партия после первого патриотического угара повернет налево. Мы дорожили единством партии как ничем. Тот факт, что Карл Либкнет 4-го августа не голосовал против войны открыто, об'ясняется именно тем, что он надеялся, что под ударами правительственных преследований вся партия порвет с правительством и защитой империалистического отечества. Ленин ребром поставил вопрос, что, собственно, представляет из себя политика Второго Интернационала: **ошибку или предательство интересов рабочего класса?** Я начал ему об'яснять, что мы стоим на грани двух эпох: эпохи мирного развития социализма в рамках демократии и эпохи бурь и натисков, что дело идет не только о предательстве вождей, а о позиции масс, которые, не найдя достаточно сил для сопротивления войне, подчинились политике буржуазии, что тяготы этой политики принудят массы порвать с буржуазией и вступить на путь революционной борьбы. Ленин оборвал меня словами: „Это есть историцизм, все находит об'яснение в смене эпох, **но могут ли вожди реформизма, которые еще перед войной систематически вели пролетариат в лагерь буржуазии, которые с момента войны перешли в этот лагерь открыто,**

могут ли они стать проводниками революционной политики?“ Я ответил ему, что в это не верю. „Тогда, — заявил Ленин, — надо **бить отжившую эпоху в лице вождей реформизма**. Если мы хотим облегчить рабочему классу переход к политике борьбы с войною, борьбы с реформизмом, тогда надо рвать с реформистскими вождями и с теми, которые не борются с ними честно. Вопрос, когда рвать? Как организационно подготовить этот разрыв — это вопрос тактический, но стремление к этому разрыву является принципиальной обязанностью всякого пролетарского революционера“. Ленин настаивал на самой резкой форме идейной борьбы с социал-патриотами, **настаивал на необходимости открытого выяснения их предательства, именно предательства**. Это слово он повторял много раз и в дальнейшем, при совместной работе; при составлении резолюций он всегда давал бой на этом политическом определении, считая его мерилом революционной искренности и последовательности, воли к разрыву с социал-демократией.

Так же остро ставил Ленин вопрос о противопоставлении лозунгу гражданского мира **лозунга гражданской войны**. Мы, германские левые радикалы, привыкли со времен нашей полемики с Каутским по вопросам массовой забастовки выдвигать лозунг менее определенный: лозунг „массовых действий“. Неопределенность этого лозунга отвечала зачаточному состоянию революционного движения в Германии 1911—1912 года, когда простая демонстрация берлинских рабочих в Тиргартене, во время борьбы за всеобщее избирательное право в прусский ландтаг, казалась нам началом революционной борьбы германских рабочих. Ленин указывал нам на то, что если этот лозунг

был достаточен, как противопоставляющий действия масс парламентским комбинациям вождей германской социал-демократии в предвоенную эпоху, то он является совершенно недостаточным в эпоху железа и крови, в эпоху войны. „Если,—говорил он,—недовольство войною усилится, то и центристы могут организовать движение масс для того, чтобы нажать на правительство и принудить его закончить войну мирным соглашением. Если перспектива наша, перспектива смены империалистской войны революцией является не благим пожеланием, а перспективой, для которой мы хотим работать, надо определенно и ясно выдвинуть лозунг гражданской войны". Он неслыханно обрадовался, когда в письме своем к Циммервальдской конференции Либкнехт употребил слово: „против гражданского мира, за гражданскую войну", что было для Ленина доказательством того, что в основном Либкнехт с нами согласен.

Раскол Второго Интернационала, как средство оформления революционного движения пролетариата, гражданская война, как средство победы над империалистской войной, — это были две основные мысли, которые Ленин пытался вдолбить в головы передовых революционных элементов во всех странах, с которыми имел связи. Но несмотря на то, что Ленин уже тогда стоял твердо и ясно на позиции будущего Коммунистического интернационала, он пошел на Циммервальдскую и Кинтальскую конференции всех антивоенных социал-демократических организаций. Он великолепно понимал, что сначала надо блоком вместе с центристским направлением раскачать мозги рабочих, расшатать единство социал-демократии, собрать вокруг себя значительные части рабочей

массы, чтобы не довольствоваться пропагандой а начать борьбу.

Он следил не только за всеми документами развертывающихся в борьбе направлений, что, между прочим, делал, не щадя сил: достаточно сказать, что брошюру голландского марксиста Гертера о войне, написанную по-голландски, он читал с первой до последней страницы со словарем в руках, не зная ни одного слова по-голландски. Он следил внимательнейшим образом за всяким малейшим проявлением революционной самодеятельности масс, пытаясь уловить уже реально достигнутую степень их политического развития. Когда в Берне (швейцарском) меня навестил старый лейпцигский товарищ, стоящий с 80-х годов на крайнем левом фланге германской социал-демократии, но абсолютно не разбиравшийся в принципиальных вопросах, Ленин добыл от него буквально всю картину движения. Я помню удивление этого социал-демократа, когда Ленин не давал ему покоя, чтобы узнать, „что кричат" рабочие и работницы на демонстрациях. „Кричат, как в этих случаях полагается",—отвечал социал-демократ. Но Ленин настаивал: „а все-таки скажите, что они кричат?". И добыл от него необходимые ему сведения. Он с большим вниманием следил за мелочами в рабочей печати Европы и Америки, чтобы по ним узнать тот облик массы, которого не передавали политические статьи, более внимательно пересматриваемые военной цензурой. Великий революционный вождь искал и за границей, в чужих ему странах, этой интимной связи с рабочей массой, которая одна позволяет найти рычаг движения. Он не жалел целых вечеров, чтобы в душном кабаке в разговорах с швейцарскими рабочими,

во всяком случае не являющимися цветом революционной мысли, нащупать реальную почву движения. Когда товарищи, руководившие тогда левым крылом швейцарского рабочего движения, шатались и колебались, он настаивал на том, чтобы всякий из нас искал связи хотя бы с маленькими группами рабочих, на которых единственно надеялся.

Уже в 1916 году, когда мы собрали в разных странах маленькие группы единомышленников и создали в рамках циммервальдского блока так называемую **циммервальдскую левую**, Владимир Ильич настаивал на том, чтобы приступить к разработке программы будущего революционного Интернационала.

Из этой его предварительной работы вышла в будущем его книга: „Государство и революция". Уже в 1916 году он выдвигал идею государства-коммуны, которая в начале для нас была не более понятной, чем русским товарищам после февральской революции знаменитые апрельские тезисы Ленина. Каждый из нас много раз читал книгу Маркса о Парижской Коммуне, но именно того нового, чем была в ней идея „государства-коммуны", не заметили, и Ленину стоило много труда выяснить нам свою точку зрения. Очень характерно для него, как тактика, что на основе опыта 1905 года он уже тогда указывал нам на возможную роль советов, как органов государства-коммуны. Но в момент февральской революции Ленин, имея лишь смутные сведения о фактическом положении в России, в ответ на вопрос тов. Пятакова и Коллонтай, отправлявшихся в Россию и просивших директив, ответил: „Никакого доверия временному правительству. Учредилка—чепуха. Надо брать в руки **петроградскую и**

московскую городские думы". Ленин искал для борьбы за государство-коммуну органов, ближе связанных с ежедневной жизнью массы, даже не справляясь в первую очередь о названии этих органов.

Одним из результатов его программных работ этого времени является также постановка вопроса о **самоопределении наций**. До войны этот вопрос Ленин выдвигал в русском масштабе, как средство освобождения русских пролетариев от влияния великорусского шовинизма, и как средство добиться доверия нерусских народных масс в России, в которых он видел союзника в борьбе с царизмом. Во время войны он подошел к этому вопросу **в мировом масштабе**. Брошюра Розы Люксембург о банкротстве германской социал-демократии, в которой она отрицала возможность освободительных национальных войн в эпоху империализма вообще, дала ему повод снова выдвинуть вопрос о самоопределении. С неслыханной тактической гибкостью этот человек, отрицающий самым решительным образом так называемую защиту отечества для империалистических государств, указывал нам, страдающим западно-европейской узостью горизонта, на то, что если период национальных войн миновал в Западной Европе, то он не миновал на юго-востоке Европы, не миновал для национальных меньшинств в России, не миновал в колониях и в Азии. Ленин до войны не занимался конкретно изучением колониальных движений; в этих вопросах многие из нас знали в десять раз больше него, и он самым добросовестным образом пытался, и по книгам, и в разговорах, собрать необходимый для него конкретный материал. Но этот материал он поворачивал против нас, доказывал нам на его основе громадное революционное

значение национального вопроса на востоке. Мы только тогда поняли различие его революционной постановки вопроса о самоопределении нации с позицией Каутского, для которого этот лозунг был орудием пацифизма, решения голосованием эльзасского и лотарингского вопроса. Жестокой своей критикой, направленной против моих тезисов в вопросе о самоопределении нации, он учил нас значению этого вопроса, являющегося динамитом против империализма. Хитроумные центровые философы, в роде Гильфердинга и т. п., пытались доказать европейскому пролетариату, что Ленин на втором конгрессе Коминтерна выдвигал колониальный и национальный вопрос в интересах русского государства, но Ленин вел по этому вопросу ожесточенную борьбу с Гортером, Панекуном, Бухариным, Пятаковым и мною, когда был бездомным, гонимым эмигрантом в Швейцарии. Этот вопрос имел для него значение искания **крестьянского союзника для мирового пролетариата в международном масштабе.** Без связи с революцией порабощенных молодых народов Востока и колоний нет победы международного пролетариата. Вот чему учил нас Ленин уже в 1916 году.

С самого начала февральской революции Ленин стремился к разрыву блока с центристами, к ликвидации циммервальдского об'единения; он считал, что русская революция, ставя вопрос о революции во всех воюющих странах, даст нам, коммунистам, массовую силу и оттолкнет в лагерь предателей колеблющиеся элементы центра. Он не позволил нам подписать манифеста циммервальдской комиссии о русской революции, чтобы совместная с Мартовым подпись не смутила русских рабочих и не помешала борьбе с Чхеидзе и меньшевиками. Этот разрыв не состоялся в

продолжение 1917 года, ибо мы пытались при помощи циммервальдского бюро втянуть в борьбу против германского империализма независимую социал-демократию Германии, от которой тогда еще не отделился союз Спартака. После захвата власти в октябре 1917 г. циммервальдское об'единение фактически умирает. Борьба русского рабочего класса и являлась главным средством пробуждения пролетариев всех стран. Весь 1918 год ушел на подготовку созыва **учредительного с'езда Коминтерна.**

Этот с'езд, состоявшийся в марте 1919 года, к моменту начала борьбы с Деникиным и Колчаком, не создал принципиально ничего нового. Он базировался на идейной работе большевиков в циммервальдской левой в предыдущие годы войны. Решение его, манифест и, в первую очередь, тезисы Ленина о диктатуре и демократии оформили основы будущей работы Коммунистического Интернационала. В момент Октябрьской революции многие, читая декрет о мире и земле, думали, что, может быть, этим документам суждена роль прокламаций, которые никогда не будут осуществлены. Когда в тяжелейший момент русской революции, вместе с сведениями о передвижении Колчака к Волге, о поражении молодой Красной армии на юге, получились решения первого с'езда Коминтерна, то не только многие западно-европейские коммунисты, но и многие из нас, членов РКП, работавших тогда нелегально на Западе, спрашивали себя, не являются ли эти документы заветом русской революции, находящейся в смертельной опасности. Исполком Коминтерна, отрезанный тогда стеною блокады от западно-европейского рабочего движения, практически очень мало мог влиять на его шаги, очень мало мог помогать западно-европейским рабочим. Они про-

бивали себе путь самостоятельно, учились сами решать свои задачи, и только с 1920 года, с победой Красной армии над Деникиным и Колчаком, начинается ежедневная массовая работа Коминтерна. И тут **Ленин встает во главе международного рабочего движения, уже как практический его вождь, как добрый гений,** помогающий молодому коммунистическому движению осмыслить первые свои шаги, наметить дальнейший свой путь.

Три основных документа пишет Ленин для второго конгресса Коминтерна. Съезжающиеся со всего мира делегаты находят в переводах брошюру Ленина **„О левизне, как детской болезни коммунизма“**. Они знают **„Государство и революцию“** Ленина, эту сухую книжечку, которая, как факел, осветила им великую цель—диктатуру пролетариата. Брошюра о левизне освещает путь молодым коммунистическим партиям, которые думают, что могут одним прыжком схватить врага за горло, что революционная волна понесет их прямо к цели. Юным коммунистическим партиям, отклоняющим в революционном задоре всякие компромиссы, противопоставляет Ленин опыт русской революции. Он указывает им, что для завоевания диктатуры пролетариата надо сначала **завоевать большинство рабочего класса**. Он указывает им, что для того, чтобы завоевать большинство рабочего класса, надо использовать **все средства**, которые предоставляет передовикам-рабочим та же самая буржуазная демократия, которую они собираются свергать. Он указывает им, что если путь к баррикаде ведет через парламент, то из этой кучи навоза надо проповедывать рабочим массам идею коммунизма. Он указывает им на массовые организации пролетариата, на профсоюзы, которые путем беспрерыв-

ной работы надо вырвать из рук желтых вождей. Он указывает им, что революционное меньшинство не может отказываться от **компромисса**, если этот компромисс может облегчить ему завоевание большинства. Трудно исчерпать в кратких словах содержание этой незабвенной работы великого вождя. Можно сказать, что содержание ее не усвоено даже еще $^1/_{10}$ вождей Коммунистического Интернационала. Эта сжатая маленькая брошюра представляет собою **квинт-эссенцию всей философии большевизма, его стратегии и тактики**, и минуют многие годы, годы побед и поражений, пока можно будет сказать, что эти мысли Ленина проникли в кровь и плоть вождей Коминтерна. Сколько раз читаешь эту брошюру, столько же раз находишь в ней новые богатства мысли, новые оттенки. Достаточно сказать, что после двух лет применения тактики единого фронта, мне пришлось только в прошлом году установить, что она уже развита в этой брошюре, о чем я совершенно забыл, когда в январе 1921 года в первый раз, ощупью, применял эту тактику в известном „Открытом письме“ к социал-демократическим партиям и профсоюзам Германии. Неисчерпаемость уроков, развитых или содержащихся в скрытом виде в этом учении о войне пролетариата, которое для нашей стратегии будет иметь не меньшее значение, чем книга Кляузевица „О войне“,—для стратегии военной, трудность применения уроков Ленина состоит в том, что нельзя учиться стратегии пролетариата путем пропагандистским, путем размышлений о борьбе русского пролетариата. Ежедневный опыт коммунистических партий в разных странах все время видоизменяет формы, в которых он вращает нас к основным вопросам, и нужна самостоятельная ра-

бота мысли всякой коммунистической партии для того, чтобы подняться до уровня революционной стратегии величайшего из пролетарских вождей.

Другой документ, предложенный Лениным второму с'езду,—это его первый набросок **условий вступления в Коминтерн**. Сколько ни осмеивали эти тезисы, сколько ни протествовали против них, но когда перечитываешь их, когда спрашиваешь, которая из партий, входящих в состав Коминтерна, научилась уже исполнять хотя бы одну десятую часть этих условий,—все больше видишь их великое политическое значение. Если книга Ленина „Государство и Революция" указала нам цель коммунистического движения, или, точнее говоря, первый его великий этап; если брошюра о левизне указывает весь тернистый путь борьбы за диктатуру,—то эти тезисы Ленина ставят вопрос о том, **чем должна быть коммунистическая партия**. Без проверки того, насколько исполняются эти тезисы, вообще не стоит принимать новых резолюций. Эти тезисы пробный камень, мерило развития партии Коминтерна от социал-демократических левых партий к партиям, действительно, коммунистическим.

Третий документ Ленина—это его набросок тезисов **о колониальном вопросе**. И они еще не вошли в кровь и плоть ни пролетарских коммунистических партий Запада, буржуазия которых держит в своих хищных лапах сотни миллионов колониальных народов, ни в сознание наших молодых коммунистических партий Востока. Работа английских, французских, голландских товарищей в колониях встречает громаднейшие затруднения со стороны не только полиции империалистических держав, но и со стороны неподготовленности наших товарищей к работе среди масс колониальных, стоящих на неслыханно низком куль-

турном уровне. Наши товарищи в колониях очень часто сбиваются на левый коммунизм. Воспитанные на литературе, провозглашающей борьбу за диктатуру, они с трудом учатся соединять борьбу за об'единение молодого пролетариата и ремесленников Китая, Кореи, Персии, Индии, Египта против чужестранной и своей буржуазии, с попытками связаться с национальным освободительным движением молодой буржуазии своих стран против буржуазии угнетающих ее метрополий. И снова пройдут десятки лет, пока удастся на практике связать национальную освободительную борьбу колониальных народов с пролетарской революцией в Европе и Америке. Но одно уже ясно: Ленин гениально указал путь международному пролетариату. В буквальном смысле этого слова, в первый раз в истории классовой борьбы в лице Ленина и его науки создан об'единяющий центр для трудящихся **всего мира**. В первый раз мы начинаем выходить из тупика, в котором находится европейский пролетариат, на дорогу действительно **всемирного движения**. Книга индусского товарища **Роя** об Индии дала нам первую теоретическую проверку науки Ленина на конкретном примере. Борьба газеты, самостоятельно издаваемой Роем, дает первую проверку периодического применения науки Ленина, и мы можем сказать, что эта проверка доказывает, как далеко и глубоко смотрел наш вождь. Во время гамбургского конгресса II Интернационала гамбургская социал-демократическая газета напечатала приветственный стих конгрессу. Поэт обращается к китайским кули, работающим на рисовых полях, к неграм, работающим при сборе хлопка в Южной Америке, к черным, добывающим золото, и звал их под освободитель-

ное знамя Интернационала—но это пустые звуки. Тот же самый II Интернационал празднует теперь свою большую победу. Его вождь Рамзей Макдональд составил первое рабочее правительство. И кого же назначил он министром по делам порабощенных трехсот миллионов индусов? Сэра Сиднея Оливера, чиновника старого колониального ведомства, губернатора Ямайки. Этот колониальный чиновник—испытанный защитник интересов владельцев сахарных плантаций на Ямайке будет теперь звать под знамя II Интернационала индейских рабов его величества короля Англии, или, может быть, это будет делать лорд Чельмсфорд, бывший вице-король Индии, назначенный первым лордом адмиралтейства милостью Рамзея Макдональда, вождя II Интернационала? Только Коммунистический Интернационал сможет организовать колониальных рабов, и заслуга Ленина, указавшего нам этот путь, незабвенна перед историей, перед международным рабочим классом и перед человечеством.

Третий с'езд Коминтерна увидел Ленина снова на боевом посту. Волна революции 1918—1919 года схлынула. Германская коммунистическая партия, став массовой партией пролетариата, не заметила перемены положения, не заметила начавшегося уже наступления капитала, дала себя спровоцировать и ринулась в бой с оружием в руках, не имея за собою даже симпатии большинства трудящихся масс. Все мы поняли ошибку партии, все мы отклонили тезисы германского ЦК, развивающие теорию наступления в момент политического отступления. Но мы, непосредственные работники Коминтерна, зная, что партийный центр, который создался из старых вождей союза Спартака и лучших вождей бывшей независимой

партии, является единственно возможным центром германского коммунистического движения, хотели преподать немецкой братской партии уроки, вытекающие из ее поражения, в возможно мягкой форме. Ленин заставил нас пять раз перерабатывать наши тезисы. Заставил нас сказать в самой решительной, в самой брутальной форме немецким коммунистам и коммунистам всего мира: **„Сначала завоюйте большинство пролетариата, и только после этого можете поставить себе задачей завоевание власти“**. Ленин спас коммунистическую партию и с той же решительностью поддержал **тактику единого фронта**, встречающую значительное сопротивление в рядах не только западно-европейских коммунистов. Он проявил неслыханную чуткость в понимании основной разницы, существующей между русскими условиями 1917 года и условиями, в которых борются западно-европейские коммунисты. Он понял великолепно, что там, где существуют массовые организации пролетариата, сложившиеся в продолжение полувека, находящиеся в руках желтых вождей, нужна очень сложная, очень кропотливая работа, нужен ряд компромиссов, неприятных для коммуниста, но необходимых для завоевания большинства пролетариата. Он, заваленный государственной работой, не имеющий времени следить за деталями развития на Западе, имел какое-то особое чувство, позволявшее ему ухватить **существенное отличие в положении всякой страны, в задачах всякой коммунистической партии.**

На 4-м с'езде Коминтерна только что вставший после первого удара болезни, которая его у нас отняла, Ленин делает доклад о положении в России. С глубочайшей радостью встретил его с'езд, и с глубочайшей мукой следил за тем, как

любимый вождь с трудом подбирал слова, чтобы выразить на чужом языке свои чеканные мысли. Перед своим докладом, хитро прижмуривая один глаз, Ленин спросил: „А что сказать, когда спросят о ближайшей перспективе мировой революции?“ и, подмигивая хитро, немедленно ответил: „Скажу им, что если коммунисты будут поумнее, то и перспектива будет получше“. Отправляющейся в Гаагу русской делегации профсоюзов Ленин вручает директивы о методах **борьбы с войною**. Этот последний совет Ленина международному пролетариату представляет собою новый образчик его неслыханного реализма. Он заявляет, что тот, кто после уроков империалистской войны обещает провести всеобщую забастовку в случае ее нового возникновения,—тот или дурак, или обманщик. Если мы не предупредим империалистской войны, то массы пойдут на войну, и нам придется итти на войну, и в рядах империалистских армий работать для революции. Задача состоит в том, чтобы **теперь всей своей работой не допустить до возникновения войны.** И снова Ленин развивает пункт за пунктом план ежедневной революционной работы против военной опасности.

Миновал год работы Коминтерна без Ленина. Этот год принес нам два крупных поражения: в **Болгарии** и **Германии.** Уроки этих поражений мы должны раз'яснить себе сами, без Ленина. Революционная волна пока еще не поднялась, как мы этого ожидали летом этого года. И если она не поднимется в ближайший год, то нам придется разобраться в целом ряде сложнейших вопросов, как в период реакции, наступления капитала, собрать вокруг себя массы и **связать их повседневную борьбу с подготовкой к будущей борьбе за дик-**

татуру. У нас 42 партии. Каждая из них живет в особых условиях. Учесть **все особенности** этих условий и, несмотря на их отличие, проводить **одну коммунистическую работу** неслыханно трудно. Но мы с этими задачами справимся. Ибо у нас есть наследие Ленина, неисчерпанный запас его мыслей, его **метод**, проверенный в тысяче наступательных и оборонительных сражений. Мы будем учиться на сочинениях Ленина. Как у Маркса, **не результаты, не конкретные решения представляют самую большую ценность, а именно метод решения, подход к делу этого величайшего из пролетарских революционеров.**

Коминтерн совместно с русским пролетариатом понес величайшую потерю. Если когда-нибудь правдивыми были слова, что смерть взяла с собою только тело великого вождя, то они правдивы теперь. Поэтому над могилой Ленина Коминтерн не будет проливать слез. Он возьмется с удесятеренной энергией за изучение того, что есть бессмертного в науке Ленина, и с его мечом в руках победит.

Не стало любимого вождя. Коллективной мыслью всех коммунистических партий Коминтерн справится со своими задачами.

Знамя Ленина—его наука вооружила Коминтерн на **всю эпоху, отделяющую нас от победы всемирной пролетарской революции.**

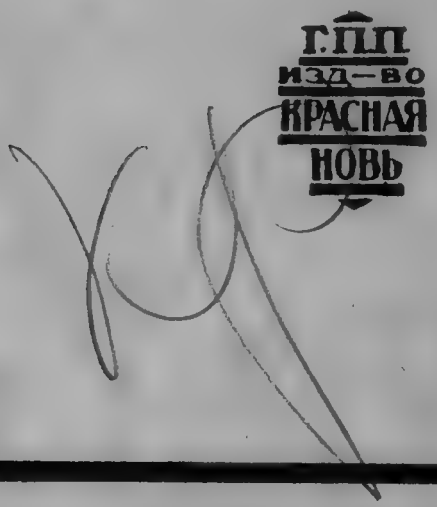
Москва 22/23 января 1924 г.

Библиотека Института В. И. Ленина

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр
Предисловие	3
Революционный вождь	5
В. И. Ленин (к 25-ти летию партии)	16
Жизнь и дело Ленина	30

1 р. VI Кн. Палата
31/III-24 г.



СКЛАД ИЗДАНИЙ:

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

Издательства „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Юшков пер., д. № 1, 5-й под'езд, 2-й этаж, кв. 50
Телеф. 16—07.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА:

В МОСКВЕ: 1. Универсальный книжный магазин „СЕРП и МОЛОТ“ Издательства „Красная Новь“—пл. Свердлова, 2-й дом Советов.
2. Б. Сухаревская пл., № 16.

В ЛЕНИНГРАДЕ: Проспект 25 Октября, угол Фонтанки (быв. магазин Коминтерна).